

ГАЛИНА ДОЛГАЯ

---

# Призрачное очарование осени

ЖЕНСКИЕ РАССКАЗЫ



Галина Долгая

**Призрачное очарование  
осени. Женские рассказы**

«Издательские решения»

**Долгая Г.**

Призрачное очарование осени. Женские рассказы / Г. Долгая —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834843-3

Рассказы о женщинах — сильных и слабых, мудрых и наивных, любящих и любимых или живущих надеждой на счастье. Каждый рассказ — это чья-то судьба, эпизод жизни, уже случившейся или возможной.

ISBN 978-5-44-834843-3

© Долгая Г.  
© Издательские решения

## Содержание

Призрачное очарование осени	6
Крыло чайки	14
Белая роза	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

# Призрачное очарование осени

## Женские рассказы

**Галина Долгая**

*Ты – женщина, ты – книга между книг,  
Ты – свернутый, запечатленный свиток;  
В его строках и дум и слов избыток,  
В его листах безумен каждый миг.  
Валерий Брюсов*

© Галина Долгая, 2016

ISBN 978-5-4483-4843-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Призрачное очарование осени

«Встретиться, встретиться... не пора ли нам уже встретиться?..» Лаура отложила письмо. Потом спохватилась и быстро спрятала его в шкафчик, туда, где вот уже полгода хранились письма от чужого мужчины. «Не знаю... Провокация? Нет, не может быть, я чувствую – нет...»

В свою тайну Лаура никого не посвящала – ни мужа, ни детей, ни подруг. Никто не знал о ее трогательной переписке, начавшейся как легкий флирт – так, ни к чему не обязывающее кокетство словами, многоточиями передающее недосказанность, волнуемое уже самим фактом отношений. Пусть нереальных, пусть несбыточных, когда только мечта рисует сцены встреч, унося в мир грез, но вызывая самые что ни на есть плотские желания.

Первое письмо пришло после памятного вечера у Сергея Степановича – сослуживца мужа. Прекрасный был вечер! Лаура блистала на нем, как египетская царица: высокая прическа, обнаженность декольте с магическим переливом крупного жемчуга и платье – легкое, цвета морской волны, тон в тон повторяющее цвет ее глаз. Лаура чувствовала себя совершенно счастливой и улыбалась всем, даруя вместе с улыбкой тепло своего сердца.

В первом письме чужой мужчина написал, что именно ее улыбка тронула его до глубины души.

То ли свежие впечатления и радость от испытанного успеха, то ли обычное женское любопытство подтолкнуло Лауру к ответу, но с тех пор не проходило дня, чтобы она не думала о мужчине, ворвавшемся в ее устроенную жизнь дыханием свободного ветра. Они писали друг другу обо всем: о новостях света, о погоде, о рассветах и закатах, о детях и любимых животных. Но, в отличие от Лауры, ее неизвестный друг был одинок. Он назвал себя Николаем. Лаура отчаянно пыталась вспомнить всех, кого представлял ей муж из друзей Сергея Степановича, но мужчину по имени Николай она не помнила. Когда она написала ему об этом, он даже обрадовался: «Я существую только в твоём воображении! И мне это нравится!» На что Лаура возразила: «Это нечестно!» Она даже не ответила на два письма, демонстрируя обиду, но потом не выдержала и написала сама: «Ты лысый и толстый!». А он в ответ подарил ей засушенные лепестки роз и целую поэму о любви.

И вот теперь он хочет ее видеть. Он зовет ее к себе в усадьбу. Он ждет встречи и надеется.

«Я поеду! Я не в силах оставаться здесь, когда душа улетает, а я превращаюсь в мумию».

Лаура решила. Не было причины что-либо врать мужу.

– Я на пару дней поеду в деревню, здесь недалеко. Подышу свежим воздухом и вернусь, – сказала она ему вечером после ужина.

– Тебе есть, где остановиться? – только и спросил муж, поглядывая на нее сквозь пенсне.

Лаура кивнула в ответ:

– Есть, у знакомых, давних.

Вот и все. Утром Лаура села в поезд. Ее сердце прыгало в груди, как испуганный кролик, не зная куда спрятаться. Когда поезд тронулся, она с облегчением вздохнула. «Назад дороги нет. Я уже еду».

Перестук колес успокоил, мелькание пестрых крон деревьев, еще не сбросивших листья и красующихся в самых шикарных платьях на последнем балу осени, очаровало, и Лаура погрузилась в себя, любуясь природой и размышляя о жизни.

Более всего сейчас ее занимал вопрос: «Что человеку надо в жизни?» Деньги? Сколько бы ни было денег, их всегда не хватает и хочется большего. Любовь? Конечно, без любви не жизнь, завянешь, но и она с годами становится пресной. Работа, успех? Безусловно, особенно это важно для мужчин. Они без осознания своей важности спиваются. Успех в делах, как бутылка хорошего вина, дает им радость и веселье. А ей, чего не хватает ей? Лаура пожалала плечами. Деньги есть, любовь есть, работа не важна, хватает занятий с детьми и благотворительных

походов в приюты. Так чего ей в жизни не хватает? Почему сейчас она сломя голову мчится на поезде к чужому мужчине, испытывая волнение и тихую радость, даже восторг? И тут Лаура вспомнила, как она чувствовала себя на вечере у Сергея Степановича. Она ловила восхищенные взгляды – и не только мужчин! – и едва не летала от счастья.

«Что это было? – задумалась она. – Внимание, восхищение... – и тут ее осенило: – Вот именно! Восхищение!»

Поэтому сейчас она стремится к приключению, страстно желая почувствовать восхищение собой. И не просто прочесть его в письмах, а увидеть в глазах, увидеть и утонуть... «Нет, нет, только без несчастных случаев! Всего лишь дружеское общение и не более того!»

Поезд замедлил ход. Три часа протекли быстро, но теперь минуты растянулись, и Лаура не могла дождаться, когда же поезд, наконец, остановится.

Вагон дернулся и затих. Лаура выглянула в окно, отодвигая занавеску. На перроне почти никого не было. Один-два пассажира вышли размяться и покурить. Мимо вагона прошла женщина, зычным голосом предлагая пирожки. Лаура заволновалась, но теперь от того, что клюнула на дурацкое предложение – ее никто не встречал! «Ведь я так и думала – розыгрыш! Господи, хоть бы никто не узнал, как я попалась!»

Но тут на перрон выбежал человек. Откуда он взялся, Лаура не заметила, но сразу догадалась, не узнала, нет – догадалась, что это он – тот, к кому она приехала. Мужчина скорым шагом шел вдоль поезда и вглядывался в окна. Когда он подошел ближе, Лаура отпрянула.

«Что это я?..» Она решилась, встала и, натянув улыбку, помахала рукой. Николай остановился. Опустил руки, пожал плечами, глупо улыбаясь. Потом спохватился и двумя руками показал в сторону выхода. Лаура кивнула в ответ и пошла. Она торопилась, поезд снова дернулся, обещая скорую отправку. Наконец, она вышла в тамбур. За широкой спиной проводника, который стоял на ступеньках и закрывал выход, виднелась пышная шевелюра каштановых волос с проседью.

– Разрешите, – Лаура постучала пальцем по спине в синем форменном френче.

Проводник прижался к стене, пропуская ее:

– Пожалуйста... сидят до последнего, – пробурчал он, – потом им все мешают...

Последние слова потонули в тумане, окутавшем голову Лауры. Она ничего не слышала и не видела, кроме двух рук, протянутых к ней, которые подхватили ее за талию и, приподняв, осторожно, как китайскую вазу, опустили на перрон. Платье Лауры сначала вытянулось в струнку, потом надулось коричневым колоколом и спустя миг опало, ветром пройдясь по ногам.

– Вот, я приехала... – Лаура избегала прямого взгляда. Она сжимала ручку саквояжа и рассматривала ажур своих перчаток, словно видела их впервые и удивлялась, откуда им тут было взяться.

– Давай, – большая ладонь легла поверх перчаток.

Лаура отпустила ручку, и ее руки скользнули вниз, освобождаясь и от саквояжа, и от чужой ладони.

– Спасибо... – она подняла глаза.

Николай, не скрывая восхищения, смотрел на нее. Веселые искорки в его глазах говорили о том, что он наслаждается моментом. Лаура вдруг поняла, что ей незачем смущаться, что она взрослая женщина и знает, что делает, а потому... Она подхватила мужчину под руку, как бы невзначай прижавшись к нему и тут же немного отстранившись. Улыбка перестала быть смущенной, в глазах заиграло кокетство.

– Так, нам куда? – с вызовом спросила она.

Николай принял ее игру и в тон ответил:

– А туда! – и взглядом указал на зеленевший вдали лес с редкими пятнами охры и багрянца. Неподвластные временам года елки рядком выстроились вдоль полотна железной дороги.

– Прямо туда? – изобразив неподдельное удивление и шагнув вслед за своим спутником, переспросила Лаура.

Николай кивнул и они, не спеша, поглядывая друг на друга, играя словами и намеками, пошли по перрону, потом, спустившись на широкую тропинку, что вела через лес к усадьбе, углубились в пахучую ауру и только гудок убегającego вдаль паровоза, как бы невзначай напомнил о другой жизни. Но Лаура забыла о ней. Она купалась в чувствах, наслаждаясь моментом и счастливо улыбаясь.

Лес неожиданно закончился широкой поляной. За ней через редкие стволы деревьев показался дом. Тропинка обогнула небольшой водоем, заросший желтыми кубышками, и закончилась у ступеней, поднимающихся к обшарпанным дверям, еще сохранившим кое-где следы бывшего лоска. Николай с шутливой иронией, но все же смущенно, представил Лауре свою усадьбу:

– Прошу любить и жаловать – семейное гнездо нашего рода, ныне опустевшее и постаревшее, как, впрочем, и его хозяин.

Лаура ответила мягким взглядом и решительно поднялась по ступеням.

Николай последовал за ней, то забегая вперед, чтобы открыть тяжелые двери, то отставая, чтобы поправить что-то в нехитром убранстве, но при этом, он все говорил и говорил, рассказывая, кто жил здесь, как было весело в свое время, но Лаура почти не слушала. Ее сразу увлекла старинная обстановка дома. Казалось, будто время застыло в его стенах и лишь запыленные портреты в тяжелых позолоченных рамах, как стражи, выстроившиеся по стенам в ряд, говорили о смене поколений, которая, по-видимому, остановилась на Николае.

– Ты ко мне надолго? – Лаура оторвалась от портрета лохматого мужчины с пронзительным взглядом и повернулась к Николаю.

Он как-то сразу легко перешел на «ты» при встрече, что сначала озадачило Лауру, но потом и она решила для себя, что так лучше. К чему условности, ведь в письмах, порой, они раскрывали друг другу душу.

– На два дня, завтра вечерним поездом уеду, – ответила она. – Ты не возражаешь?

Николай широко улыбнулся. Еще бы он возражал! Он просто счастлив! Вместо ответа он проводил гостью в комнату, что приготовил для нее и, оставив на время, как мальчишка, помчался в столовую готовить чай.

– Чем займемся? – промокнув рот салфеткой, спросила Лаура, глядя прямо в глаза Николаю, спустя час после прибытия.

Ее взгляд был похож на взгляд ребенка, ожидающего чего-то интересного и захватывающего. Лауре понравилась игра, которая началась между ними прямо на перроне вокзала. Откровенные вопросы, не менее откровенные ответы, но щекотливые мысли обоих прятались в этом клубке словоблудия, пробиваясь искрами во взглядах.

Короткие дни осени еще радовали теплом, а потому Лауре очень хотелось понежиться под солнечными лучами, щедро посылаемыми светилом на землю. Даже через закрытые окна столовой, где они пили чай, она чувствовала дуновение свежего ветра и слышала шелест листвы. Николай заметил восторженные взгляды госты, которые она нет-нет, да и бросала в окно.

– Мы ... – он сделал паузу, с любопытством поглядывая в хитрющие глаза Лауры, которая в ожидании ответа вопросительно приподняла брови и продолжала улыбаться, хотя сердечко в ее груди отчего-то зачастило, – пожалуй, прямо сейчас пойдем на рыбалку!

Такого ответа Лаура никак не ожидала, и искреннее изумление не ускользнуло от Николая.

– Да, да, на рыбалку! – подчеркнул он, решительно встал из-за стола и учтиво предложил руку. – Ты когда-нибудь ловила рыбу?

– Нет! – ответила она. – Но я и к чужому мужчине одна никогда не ездила, так что идем на рыбалку! Все когда-то случается в жизни впервые!

– Ты мудрая женщина, – польстил Николай, и в душе восхитился ее смелости. На самом деле он отлично понимал, чего стоило замужней женщине решиться на такое приключение, понимал и ценил. Ценил каждое мгновение рядом с ней.

Жизнь холостяка, да еще и замкнутого в себе, редко покидающего свою старую усадьбу, протекала монотонно, изо дня в день радуя разве что меняющимися картинами окружающей природы, да немногочисленными гостями, изредка захаживающими к нему поболтать, посоветоваться о чем-либо или весело провести время на природе. Николай всех принимал радушно, но сам не любил праздности, потому, проведив очередных гостей, возвращался к чтению любимых книг, размышлениям и простому труду, коим не брезговал, а любил. Он сам чинил свой дом, старую мебель, изредка охотился или ловил рыбу. Только одна пожилая крестьянка, Варвара, приходила по три раза на неделе, обстирать бедного барина, приготовить горячую еду, да пожуричь за нелюдимость и прожигание жизни в заточении, как у Кашея Бессмертного. Николай слушал ее сетаования молча, ухмыляясь и не переча.

До реки было рукой подать. Пока Лаура прогуливалась вблизи дома, Николай сбегал в хозяйственную пристройку, которую он приспособил из бывшей людской в свою мастерскую, взял снасти, всегда стоявшие наготове, забежал в дом, весело помахав ожидающей Лауре, схватил плед, яблок, булок, что загодя напекла Варвара, и также быстро выбежал на крыльцо.

– Можем идти! – сообщил он, сбегая по ступеням вниз.

Лицо Николая светилось от счастья, и Лаура залюбовалась им, чувствуя, как все больше проникается нежностью к этому мужчине.

Разговаривая о поэзии, для которой осень – пора всплеска творчества и муза всех грустных лириков, они, не спеша, дошли до реки. Да и не реки даже, а речки, изгибом русла разделившей лес, что кончался на берегу со стороны усадьбы и бескрайний луг, уходящий к горизонту.

– Господи, красота какая! – остановившись, воскликнула Лаура.

Пожухлые травы, местами еще зеленые, дышали паром, а вода на реке разве что не кипела – теплые потоки поднимались вверх, создавая туманную дымку, гонимую ветром к лугу. Голубое небо с белыми, причудливых очертаний, пятнами облаков высоким пологом прикрывало землю у горизонта и хотелось дышать, глубоко, с удовольствием, которое возможно только на природе. Лаура расчувствовалась, прикусила губу и, разгоняя набежавшие слезы частыми морганиями, попыталась избежать их потока, но несколько слезинок скользнули на ресницы и неспешно скатились на щеки. Лаура промокнула их платочком и, глубоко вздохнув, вдруг поддалась нахлынувшему порыву и побежала к реке, раскинув руки. Она остановилась у самой воды, закрыла глаза и, сдерживая дыхание, стараясь успокоить сердце, прислушалась к окружающим звукам. Река журчала и плескалась, ветерок теребил листья деревьев, пронеслась птица, издав резкий, но негромкий звук, кашлянул мужчина.

Лаура открыла глаза и оглянулась. Николай, не обращая на нее внимания, прохаживался по берегу, пристраивая удочки.

«Интересный он человек, – подумала она, разглядывая еще чужого, но такого близкого по духу мужчину, – странно, но мне кажется, будто мы знакомы вечность... Я его так давно знаю... Удивительно...»

Радость собралась в комочек и заняла все сердце Лауры. В этот день она забыла обо всем. Только река, только подрагивающий поплавок, только мужчина, сидящий рядом, только лес за спиной и луг за рекой имели значение. Лаура погрузилась в этот день, отдавшись целиком новому миру чувств доселе не испытанных, но радующих и восторгающих ее.

Когда поплавок погрузился в воду, а леска натянулась и первая рыба – карась, заигравший чешуей на солнце, как только они с Николаем выдернули его из воды – упала на берег, Лаура заверещала от восторга, как ребенок. Николай улыбался, любясь ею. «Какое счастье, что я тогда принял предложение Степаныча и поехал на бал! – думал он. – Только видеть ее, только замечать малейшие перемены настроения на ее прекрасном лице, только слушать ее голос... Это подарок судьбы, который я и не ждал...»

– Ух, нет, ну как же здорово рыбачить! – Лаура уселась на плед, потянулась к яблоку и, взяв его, стала рассматривать, не торопясь есть. – Смотри, вот – яблоко, просто яблоко, но какое оно красивое, – она рассмеялась, перехватив взгляд Николая. – Нет, ну право же – красивое!

– Конечно! И вкусное! – он тоже взял яблоко и с громким хрустом откусил его.

В ведре плеснулась рыба. Лаура встала, наклонилась и пересчитала улов.

– Раз, два, три... О! А эта какая огромная! Это ты поймал или я? – и, не дожидаясь ответа, снова спросила:

– А что мы с ней будем делать?

– Пожарим, – Николай выкинул огрызок в реку и разлегся на берегу, заложив руки за голову и глядя в небо.

Неожиданно коричневый ворох юбки опустился рядом, и Лаура заглянула в его лицо. Ее глаза синели, как небо и светились, как солнце, и Николай невольно залюбовался ими. Русый локон упал вниз, распушился, зацепившись за оборку высокого воротника. Открытые ушки розовели и, освещенные сзади солнцем, казались прозрачными. Николай не решался прикоснуться к женщине, но ее игривый взгляд придал ему смелости. Он провел пальцами по ее лбу, раздвигая волнистые прядки волос, выбившихся из прически.

– Какая ты красивая, – сказал он тихо, почти шепотом, не сводя своих глаз с ее и погружаясь в них все больше и больше.

Лаура рассмеялась и, развернувшись, прилегла на плед, положив голову на живот Николая. Она тоже смотрела на небо, распознавая в облаках очертания животных, замысловатые цветы, перья.

– Смотри, вон то похоже на трех собак, видишь?

– Одна собака – пудель?

– Да, точно! А рядом... м-м-м... мопс, пожалуй и...

– И легавая!

– Похоже, но не легавая, а...

– Сторожевая, – раздался рядом чужой голос.

И Лаура, и Николай от неожиданности поднялись вместе. Перед ними стояла девушка, гувернантка, как решила про себя Лаура, обратив внимание на строгую прическу и скромное платье незнакомки, и в упор разглядывала женщину, не скрывая недовольства.

– Марина? Ты как здесь? – наконец вымолвил Николай, и тут же встал на ноги.

– Да вот, решила навестить одинокого барина, а он вовсе и не одинок сегодня, как видно, – глаза-вишни стреляли то в Лауру, то в Николая, и в их загадочной черноте было не разобрать, гневается девушка, или озадачена, или ревнует. Но то, что рядом с барином находилась женщина, ей явно не нравилось и она этого не скрывала.

Николай заметил, как на лицо Лауры словно пала тень – оно потускнело, улыбка сошла с уст, а глаза уже не сияли открытым взглядом. Лаура отводила его, стараясь не смотреть ни на Николая, ни на девушку. Она, казалось, все поняла, вдруг вспомнив, кто она есть,

вдруг почувствовав себя чужой, неуместной на берегу какой-то речки, в каком-то лесу, рядом с каким-то провинциальным мужчиной.

Николай засуетился, стал собирать вещи, ненароком опрокинул ведро и рыба, жадно хватая ртом воздух, затрепыхалась на земле, извиваясь в предсмертных судорогах. Лаура встала в стороне, чуть поодаль, и с жалостью смотрела на рыбу, почти физически ощущая на себе ее муки. Дышать становилось все труднее и хотелось бежать, не оглядываясь, подалее от этого места.

Она не стала ждать, когда Николай соберет вещи. Не сказав ни слова, развернулась от реки и направилась к дому, быстро углубляясь в лес по тропинке, присыпанной желтыми листьями берез. Удаляясь, она услышала приглушенный говор мужчины и женщины, выясняющих отношения, и это подгоняло ее еще больше. Лаура побежала, но вдруг споткнулась о прикрытые листьями выпирающие корни дерева и упала, вскрикнув от неожиданности и резкой боли в стопе. Слезы отчаяния брызнули из глаз, прежде, чем она встала. Нога ныла, ступить на нее Лаура не могла. Сзади уже подбегал Николай, за ним с ведром, из которого торчал рыбий хвост, не спеша, но с любопытством вглядываясь вперед, шла Марина. Лаура стиснула зубы и, собрав волю, не позволила рыданиям вырваться наружу.

– Что случилось? – Николай подбежал, с беспокойством всматриваясь в ее лицо.

– Нога, – Лаура даже улыбнулась, пожимая плечами и взглядом показывая на ногу, – подвернула, кажется...

Она стояла на одной ноге, боясь ступить на другую. До ближайшего дерева было рукой подать, но Лаура не могла сделать ни шага. Ей отчаянно не хватало опоры. Николай был рядом, но фигура девушки какой-то невидимой стеной разделила их в один момент, развела по разные стороны жизни, как и были они до встречи. Словно полгода душевной переписки, полгода надежд и мечтаний превратились в несбыточный сон, а явь – вот она – здесь – муки совести вместе с физической болью причиняли Лауре страдания. Больше всего ей сейчас хотелось оказаться дома, нет, не в доме чужого мужчины, а в своем – привычном, уютном и родном!

Николай, подхватив Лауру на руки, осторожно, как нежный цветок, понес ее в дом. Он чувствовал ее дыхание у своего уха, слышал стук ее сердца, ощущал аромат ее кожи, и чувствовал ее боль.

– Не волнуйся, все будет хорошо, – проговорил он, не глядя на нее, а так, словно разговаривал сам с собой, – все уляжется, все пройдет. Сейчас я тебя устрою, посмотрим твою ножку, я знаю, что надо делать в таких случаях, можешь не сомневаться, доверься мне, я все устрою.

Лаура почувствовала себя лучше. Его голос успокаивал, и близость его словно защищала стеной и от ненавистного взгляда девушки, и от холода, вдруг подкравшегося к ней, и даже от боли. Лаура вздохнула. Николай крепче прижал ее к себе. Она обвила его шею руками и положила голову на плечо. Так они и дошли до усадьбы. Куда делась Марина, Лаура не знала и не стала спрашивать. Она исчезла также внезапно, как и появилась.

Тепло от изразцовой печи согрело воздух в зале и наполнило его уютом. Лаура сидела в большом кресле, погрузившись в него всем телом, тогда как ее нога, прикрытая мокрой салфеткой, покоилась на табурете. Николай заботливо укрыл гостью пледом и следил за тем, чтобы салфетка оставалась прохладной.

– Тебе не холодно? – спрашивал он, заглядывая в лицо Лауры, молчавшей весь вечер.

Она отрицательно качала головой и снова уходила мыслями в свои размышления. Нельзя сказать, что Николая тяготило ее молчание, но, как хозяин дома, он ощущал неловкость. Не таким представлял он себе вечер после столь интригующего дня. Марина своим приходом разрушила картонный домик благополучия, построенный им, и развела игроков увлекательной интриги по разным углам. Волшебство закончилось, едва закрутив вихрь чувств. Сказка превратилась в прозу, а принц снова стал деревенским обывателем. Николай вглядывался в задум-

чивое лицо Лауры – непроницаемое для него, отгороженное невидимой шторой, сплетенной из прозрачных волокон отчуждения.

– Хочешь есть? – спросил он просто так, чтобы разорвать тишину.

– Нет, – односложно ответила Лаура. Потом подняла глаза и, словно впервые увидав его, с вопросом во взгляде скользнула по его лицу, рукам и снова по лицу. Ее глаза расширились от удивления, которое она и не пыталась скрыть. – Как все странно... – сказала она, наконец, отведя взгляд.

Николай пытался поймать нить ее размышлений, но она ускользала, не давалась ему, но он не сдавался.

– Странно... Да, дорогая, жизнь наша иногда кажется странной, – он воодушевился, почувствовав ее интерес, пододвинул ближе стул, на котором сидел, потянулся руками к ее рукам, расслабленно лежавшим поверх пледа.

Лаура не возражала. Она лишь снова погрузилась в его глаза, пытаясь отыскать в их зелено-кареих глубине ответы на свои вопросы, волнующие ее, заставляющие думать о жизни, о своем предназначении, о совести, о грехе. Николай не опускал глаз, не отворачивался, он позволил Лауре проникнуть в свой мир, теряясь в догадках, нашла ли она в нем то, что искала, чего не хватало ей в жизни, к чему она стремилась, когда ехала сюда. Ее распахнутые глаза не скрывали боли, душевных терзаний, но словами Николай не решился утешить женщину, он интуитивно чувствовал, что слова нарушат понимание, как нарушило идиллию беззаботности появление Марины.

Николай сжал руки Лауры в своих ладонях и поднес к губам. Нежно прикасаясь, он целовал тонкие пальчики, ощущая, как они теплеют, как едва дрожат в ответ на ласку.

– Какое счастье: и ночь, и мы одни! – продекламировал он, вглядываясь в глаза женщины, ища молчаливого ответа на свои чувства.

Лаура в ответ лишь вздохнула и отняла руки, вернув их на плед.

– Фет. Мне тоже нравится его лирика, – ответила она, устремив взгляд на огонек свечи. – А дальше?

Николай пропустил несколько строк и с чувством продолжил:

О! Называй меня безумным! Назови  
Чем хочешь; в этот миг я разумом слабею  
И в сердце чувствую такой прилив любви,  
Что не могу молчать, не стану, не умею!

Но Лаура молчала и уже не смотрела на Николая. Со старых портретов также безмолвно взирали на них лики давно ушедших предков. В этой старой, как мир, но все же не стареющей веками, сцене признаний каждый из них мог узнать себя. Что сближало мужчину и женщину, что неотвратимо разводило их друг от друга? Их судьбы, как два ручья втекали в одну реку и растворялись в водах времени, не успев соединиться, лишь в один момент соприкоснувшись, почувствовав влечение и родство душ, они должны были расстаться навсегда.

– Я поеду утренним поездом, – сказал Лаура, – ты сможешь отвезти меня на станцию?

Николай все понял. Да, она права, им больше незачем оставаться вместе. У каждого своя дорога.

– Да, конечно, – ответил он, и Лаура уловила в его голосе нотки сожаления, – мне придется оставить тебя ненадолго, чтобы найти повозку.

Он встал. Лаура понимающе кивнула. Конечно, она подождет. Спокойствие, которое сродни равнодушию, окутало ее, но при взгляде на удаляющуюся в темноту фигуру Николая, ее сердце екнуло, сжалось, словно хватаясь за последнюю возможность вернуть ушедшую легкость их чувств, поток которых остановился перед преградой благоразумия и сдержанности.

Ранним утром Лаура села в поезд и, провожая взглядом медленно удаляющуюся фигуру Николая, понуро стоявшего на перроне, не удержалась, прильнула к окну и, помахав рукой, прижала ее к холодному стеклу, вспоминая ту единственную ласку, которую она позволила себе и чужому мужчине в их единственный вечер.

– Что читаем?

Лариса вздрогнула, книга упала на пол.

– Ой, я не слышала, как ты вошел...

Муж поднял книгу, закрыл и прочитал название:

– «Призрачное очарование осени». И о чем тут повествуют, неужели о любви? – с шутиливой иронией спросил он, возвращая книгу.

– Да! О ней и о том, чего не хватает замужней женщине.

Лариса положила книгу на стол и подошла к мужу вплотную, обвила руками его шею и, томно прикрыв глаза, вытянула губки.

Муж лишь прикоснулся к ним и, мягко освободившись от объятий, направился в спальню, снимая на ходу пиджак.

– А чего не хватает женатым мужчинам, там не сказано? – выглядывая в зал, спросил он.

– Нет, там только про женщин, – игриво ответила Лариса, последовав за мужем, – и чего же хотят женатые мужчины? – в том же тоне спросила она, принимая галстук и с вождением поглядывая на своего ненаглядного. – Неужели любви?

Он на секунду опустил руки и с укором уставился на жену:

– Мужчина хочет есть! Он с работы пришел, а ты – любовь... Давай, давай быстренько на кухню, что там у нас сегодня на ужин? – он решительно развернул Ларису и, выдворяя из спальни, легко шлепнул ее ниже спины, шепнув на ушко: – Сначала есть, потом посмотрим...

Лариса наигранно вздохнула: – Какая проза! – и пошла накрывать на стол.

## Крыло чайки

*Пусть сильнее грянет буря!..*

*М. Горький*

Баркас подошел к пристани. Шустрый юнга лихо перепрыгнул полосу мутной воды, разделяющую утлую посудину от берега.

– Лови! – строго скомандовал боцман и бросил конец швартового троса.

Пацан перехватил его в воздухе. Баркас ткнулся бортом о потемневшие бревна, обрамляющие причал, и одновременно проворный малый восьмерками обмотал кнехт<sup>1</sup>.

– Все! Готово!

Теперь юнга суетился, налаживая сходни, сколоченные из нескольких досок, скреплённых поперечными рейками.

Капитан, которого все звали просто Мишкой, заглушил мотор, поправил выдавшую виды фуражку и облокотился на штурвал, поглядывая на берег через мутное стекло. Луч света отразился от него и улетел далеко от пристани к распахнутым настезь окнам старого приземистого дома, который одиноко стоял на возвышенности, круто уходящей в море.

Молодая женщина в белой косынке, повязанной поверх иссиня-черных кос, мыла окно, стоя снаружи. Ветер озорничал с ее пестрой юбкой, бессовестно обнажая ноги. Но женщина не обращала на это внимания. Вокруг никого не было. Воскресный день позвал всех обитателей рыбацкой деревни на шумную ярмарку, где на вырученные за рыбу деньги можно было всласть повеселиться, отдохнув от забот. Только эта женщина, да старый Хруст остались в деревне.

Хруст (прозванный так за постоянные покрякивания при ходьбе) еще утром приковывался к пристани, устроился на перевернутом бочонке и, покуривая сигарку, пялился в море. Когда его еще зоркие глаза разглядели на горизонте баркас, дед довольно крикнул и наблюдал за ним до тех пор, пока тот не пришвартовался.

– Здорово, дедунь! – Мишка, выбравшись из рубки на палубу, помахал Хрусту.

Дед, кряхтя, подошел ближе.

– Здорово, моряк, как улов?

– Да, поймали малость, – отмахнулся моряк, а сам подмигнул юнге, и тот, без слов понимая капитана, ухватил несколько крупных рыб и завернул в кусок плотной бумаги от провианта.

– На вот, поешь свеженькой, – Мишка не спеша сошел на берег и протянул деду сверток.

Хруст снова крикнул, но от удовольствия. Не забывал бывший постреленок старого моряка, когда-то учившего его премудростям профессии!

Мишка сел рядом, закурил, глубоко затягиваясь. Ветер с моря ударил в лицо. Моряк прищурился, отвернулся, подставляя обветренную щеку. Взгляд отметил движение у бывшего заброшенным дома на возвышенности. Мишка пригляделся. Женщина как раз закончила работу и с двумя ведрами спускалась по крутой тропке к морю.

– Кто это?

Хруст глянул на холм, прищурился и, не спуская глаз с белой косынки, под порывом ветра поднявшейся над головой женщины, как крыло чайки, небрежно протянул:

– А-а! Эта! Да Анна, вдовая, пришла недавно. Говорит, племянница нашего брадобрея. Ну, племянница, так племянница, кто ж проверит? Терентий уже не скажет... Вот, поселилась у него в доме. С сыном она. Мальчишка мал еще, даже для юнги. Но шустрый малый, с нашими,

---

<sup>1</sup> Кнехт – специальный чугунный столбик на причале для крепления швартового троса

как положено, кулаками помахались, а теперь не разлей вода, особенно с Толиком, ну, с сыном твоего боцмана.

Миша слушал деда очень внимательно, но еще внимательнее наблюдал за молодой женщиной. Издали только и видно ее косынку, голые ноги и крепкий стан, но что-то шевельнулось в груди у моряка. Сам он еще не был женат, да и не спешил с этим делом, хоть каждая из незамужних рыбацек готова была отдать ему не только сердце, но и все остальное свое богатство. Мишка же, не в пример другим, не покушался на девичью честь, на зовущие взгляды отвечал полуулыбкой, шуткой, намеком, а свою мужскую похоть удовлетворял с молодухами из поселка, где ныне кипела весельем ярмарка.

Деревня у них небольшая, все на виду. Моряки люди суровые, прямые. На берегу могут не просыхать неделями, если погоды нет, да в морду дать невзначай, а в море – друг другу всегда в помощь. А как подашь руку, если делом нечист? Нет ничего превыше мужской дружбы! Это молодой капитан для себя законом считал.

– И что молодуха? Где муж ее, откуда она пришла?

Мишка встал, взглядываясь. Женщина исчезла из поля зрения, спустившись за утес. «Махнула крылом и улетела...» – подумал Мишка.

– Да кто ж его знает?! – дед тоже поднялся. – Она все больше молчит. Но женщина работающая. Нашим и улов разобрать помогает, и сети починяет. Ей за то рыбу дают. В поселок ходит, носит на продажу тряпье какое-то, шьет сама. Тем и кормится. За мальцом хорошо смотрит. Строга! Но ни с кем не сошлась. Одна! – дед хитро глянул в лицо моряка. – А что, хороша баба, в твоём вкусе как раз!

Мишка расплылся в улыбке.

– Ох, дед, много ты о моем вкусе знаешь!

– А что? Баба она бывалая, не девка, чего-то в жизни повидала. Да и одна, а ты парень видный...

– Ладно тараторить, иди уже, – последние слова деда, как рукой, сняли очарование. – Мне надо с уловом разобраться, может, еще свежей рыбы успею на ярмарке продать, – окурочок отлетел в сторону, Мишка встал. – Сашко! Отобрал? Чего там мотыляешься без дела? Грузи корзины, да за подводой бегом, а то день закончится, пока ты отелишься! – выдал он юнге, вернувшись к баркасу.

Дед озадаченно крякнул и поспешил убраться восвояси, так и не поняв, чего это Мишка взъерепенился. Да Мишка и сам не понял, какие струны его души невзначай тронул Хруст. Только белая чайка над морем словно хохотала над моряком, изредка взмахивая крыльями.

День шел на убыль. По пыльной дороге с ярмарки возвращались селяне: кто на подводах, кто на своих двоих. Анна с убранными в венчик косами, с пестрой шалью поверх белой блузки стояла чуть в стороне, поджидая сына, которого отправила погулять вместе с Марией, матерью его закадычного друга Тольки. Вон и они! Пацаны все еще резво носятся друг за другом, а Мария с пустой корзиной идет под руку с мужчиной. «Муж!» – догадалась Анна, вспоминая причаливший поутру баркас. Поздоровались. Муж Марии оказался мужчиной в годах, а может, это усы и борода, скрывающие пол-лица, делали его старше, но и взгляд моряка был таким пронзительным, что Анне стало не по себе. Молодые так не смотрят! Те по фигуре скользнут, ухмыльнутся, а по глазам без труда их похотливые мысли прочитаешь. С такими Анна не церемонилась, отшивала парой слов. А тут ступевалась, отвела глаза. Во взгляде боцмана сквозил интерес другого плана.

– Так, значит, ты та самая Анна... – не спрашивал, а изучал ее бывалый моряк.

– Меня зовут Анна, а та самая или нет, я не знаю, – все же отрезала.

– Да ты не бойся, я с добром, Мария вот рассказала, что вдвоем с сыном живешь...

Анна обняла подбежавшего сына, вскинула голову.

– А мне бояться нечего, а коли с добром, то спасибо.

Она поклонилась, живо так, глядя на Марию – ей спасибо предназначалось, за сына, – и пошла к своему одинокому дому.

– Анна! – Мария окликнула ее, одарив мужа недобрым взглядом.

– Да постой ты, гордячка, – боцман, словно извиняясь, крикнул вслед, – работа есть, мы ж с уловом вернулись!

Анна остановилась, вполоборота взглянула на боцмана.

– Тот-то же! – усмехнулся он в усы. – Завтра поутру приходи.

На том и расстались. Но встревожили Анну слова, а более всего изучающий взгляд моряка. Вспомнилась свекровь. Та, когда Василий привел ее в дом, взглядом так и сверлила, даже не стараясь скрыть своего недовольства. Ревновала к единственному сыну, думала, век с ним вдвоем проживет. А не вышло. Ни ей с ним, ни Анне. Сразу после свадьбы ушел Василий на войну, да сгинул там. Без него Лешка родился. Свекрови бы радоваться, вот оно – продолжение рода, живая память о сыне! Но и внук не смягчил сердце заносчивой женщины. В конце концов, не выдержала Анна, собрала нехитрый скарб и ушла. Родных у нее, кроме дядьки Терентия, не было, к нему и подалась. А как пришла, то узнала, что теперь и его нет, только вдвоем с сыном они на всем белом свете и остались. Но люди в рыбацкой деревушке не прогнали ее, напротив, разрешили в доме Терентия жить, в работе не отказывали.

– Леш, ты не знаешь, улов-то большой? – спросила у сына за ужином.

– Не-а, – встрепенулся он.

Мальчик клевал носом, в полусне тыча ложкой в тарелку. Анна улыбнулась.

– Иди спать, горе луковое!

Алешка сполз со скамьи и плюхнулся на настил в углу, приспособленный матерью вместо кровати. Анна укрыла сына одеялом, слатанным ею из кусочков ткани. Прилегла рядом.

– Спи, Алешенька, спи, родной. Может быть, заплатят, ботинки тебе справим к осени...

Рыбацкая деревня просыпается рано. Солнце только окунуло первые лучи в море, позолотив воду, а моряки, смоля сигарки, потянулись к своим посудинам. Женщины управились с нехитрым хозяйством и тоже отправились на работу. Ее всем хватало: рыбу, что накануне наловили рыбаки, солить надо, сети для сушки развесить, а там и починить, где прохутились, посуду, бочки мыть, да за детьми малыми присматривать походя. Кто постарше, сами стайкой на берегу собирались, целый день у моря околачивались. То отцам помогут, то плавают, а то и сидят без толку, байки травят.

Анна накормила сына вчерашней похлебкой, дала кусок хлеба на день и отпустила к ребятам. А сама туго скрутила косы, чтобы не мешали, повязала передник и пошла к причалу.

Чайки кружились над берегом, ожидая легкой добычи. Вчерашний моряк уже командовал над долговязым подростком, распекая его в хвост и в гриву. А тот носился по берегу, как оглашенный. То бочку катит, то сеть расправляет.

– Пришла? – боцман окинул взглядом ладную фигуру Анны.

– Пришла! – она оправила передник и с вызовом ответила на откровенный взгляд: – Небось не на смотрины звал! Говори, что делать!

Боцман ухмыльнулся.

– Посиди пока, сейчас Мария подойдет, Мишка, скомандуем.

Анна присела на скамью рядом с деревянным столом, на котором разделявали рыбу. Дух от него шел... Анна повела носом, поморщилась. Никак не могла она привыкнуть к тошнотворным запахам, остающимся после разделки рыбы. Огляделась, увидев ведро, ухватила его и пошла к морю.

Свежий ветер наводил рябь на плавно покачивающуюся поверхность воды. Легкая волна плескалась в прибрежных камнях. Повсюду валялись пучки водорослей, створки мелких ракушек. Вздохнув полной грудью, Анна улыбнулась. От воды шел запах простора и свободы.

Анна смотрела вдаль, задумавшись о чем-то своем, слушая шелест волн и крики чаек. Но вот за спиной раздались голоса людей, послышался смех, окрик боцмана. Анна еще раз вздохнула с удовольствием и, не оглядываясь, прошла по большим камням ближе к воде, зачерпнула ведром, выпрямилась и... едва не упала, столкнувшись с Мишкой. Ведро ударилось о его ногу, вода вылилась, намочив и штiblеты, и брюки, а заодно и ее юбку.

– Ой! Простите...

– Да ничего, это я сам виноват, – Мишка, ретируясь, улыбался, поглядывая на смутившуюся женщину исподлобья, – хотел помочь...

От его слов Анна растерялась еще больше. Помочь... Не замечала Анна до сих пор, чтобы рыбаки помогали женщинам ведра с водой носить. А незнакомец, выпрямившись, не спешил уходить. Анна быстро взглянула на него и утонула бы в его глазах, если бы не отвела взгляда. Сердце зачастило в груди, кровь прилила к щекам. А мужчина широко улыбнулся, открывая крепкие белые зубы. Морщинки пробежали по загорелому лицу, задержавшись в уголках глаз.

– Меня Мишкой зовут, – он протянул руку, – давай ведро!

Анна отдала пустое ведро и хотела пройти по камням, но нога соскользнула с первого же, и крепкая рука обвила талию.

– Осторожно, камни мокрые, – чарующий голос у самого уха едва не лишил Анну сознания. Голова закружилась от необыкновенно притягательного мужского запаха, жаром обдало все тело. Женская сущность, жаждущая ласки и спящая последние годы в глубине души, пробудилась в Анне. Но гордость напомнила о себе.

– Отпустите! Что это вы хватаете незнакомых женщин?!

Мишка нехотя опустил руку. Набрал воды, сунул ведро Анне и забалагурил, как всегда.

– Держи, незнакомая женщина! Вот, хотел помочь, а получил от ворот поворот! Так, может, познакомимся?

Анна негодовала. Слезы собрались было выплеснуться из глаз, но она сдержала их, задрала нос, сжала губы и процедила:

– Шел бы ты своей дорогой, помощник... мне до тебя дела нет.

В словах Анны было столько желчи, что Мишка опешил. Не так представлял он себе знакомство с «чайкой», как про себя окрестил незнакомку, еще вчера впечатлившую его.

– Вот и познакомились... очень приятно... – тихо проговорил вслед удаляющейся горячке.

Мишка ходил сам не свой. Влажные глаза – черные, затягивающие в омут тайны – не давали покоя. Мишка не спал ночами, пялясь невидящим взглядом в потолок своей одинокой хибары. Днем, смурной, возился в лодке. Сашко избегал капитана – не ровен час отвесит оплеуху ни за что. Кому охота?! Боцман ухмылялся в усы, дома шептался с женой. Не нравилось ему, что женщина моряка с пути сбивает. Девки задевали молодого капитана, кто шуткой, кто намеком. Он балагурил с ними, нарочито выставляясь, как петух, но Анна словно не замечала его, скребла рыбу, будто интереснее того занятия и нет ничего.

Отработав свое, она попросила заплатить деньгами. Боцман было возразил, а Мишка без слов выдал все, что выручил за свежую рыбу. Женщины притихли, глядя на такое. Но Анна вернула деньги, оставив себе пару купюр, прикинув еще до того, сколько надо на ботинки сыну.

В сердцах Мишка укатил в поселок. Прогудел там несколько дней, профукал все деньги и вернулся еще смурнее. Пора было снова уходить в море. Для Мишки, как для любого моряка, море было единственной любовью на всю жизнь.

Как только ноги ступили на покачивающуюся палубу, а руки привычно сжали штурвал, сердце капитана ожило, словно омытое терпкой соленой водой.

– Отдать швартовые! Право руля! – зычно командовал Мишка, сам крутя штурвал и чувствуя в этот момент себя хозяином моря, сияющего солнечными звездами, тихо покачивающегося всей толщей вод и безразличного к людским проблемам.

Мишка смотрел вдаль, дыша всей грудью и впитывая в себя пахнувший водорослями и рыбой воздух. Но когда уже обогнули остров, что горой возвышался посередине бухты, Мишка не удержался, оглянулся на утес, над которым одиноко стоял старый дом брадобрея. Белая косынка мелькнула рядом с ним... или то чайка махнула крылом?.. Мишка сжал губы. «Это еще не конец. Начала-то не было! Подожди, вернусь, куда ты от меня денешься!» – подумал зло и вывел баркас в открытое море.

В сердце Анны было мятежно, как и в море. Среди светлого дня налетел ветер, напозднили облака. Море, до того теплое и приветливое, вмиг ошестинилось гребнями волн. До вершины холма доносился их ворчливый рокот, и Анна крепче обнимала Алешку, инстинктивно защищая его от стихии или сама находя успокоение рядом с единственным близким человеком.

Мысли Анны улетали далеко, туда, где с бурей сражалось утлое суденышко, ведомое человеком, о котором Анна не переставала думать.

«Хороший он парень, хороший он парень», – звучали в голове слова Марии, которая наемдни заглянула вроде как по делу – платье пошить новое, но разговор завела о Мишке.

– Хороший он парень, ты не думай...

– А я и не думаю! Мне о нем думать нечего, у меня сын растет.

– Сыну отец нужен, – Анна вспыхнула от тех слов, но Мария возвысила голос, – ты сама не видишь, как твой Лешка возле моряков крутится, тянется к мужикам? Как на Тольку смотри, когда тот с отцом на баркасе? Мальчишкам и строгость мужская нужна и пример...

– Строгости ему хватает, вот отругаю за то, что шляется, где ни попадя.

– Я ей про Фому, она мне про Ерему! Да что ты за женщина такая... мужика из себя корчишь, неужто по мужским рукам не скучаешь?..

– А это никого не касается, по кому и по чему я скучаю! – Анна готова была выпроводить Марию за эти слова. Обидой они в сердце влезли, разбередили свежие раны. – Ты за шитьем ко мне пришла? Так давай, говори, что шить хочешь, а что касается Мишки или кого другого – не лезь! Это мое дело, да и замуж он меня не звал, а рук, охочих до женского тела в деревне и без него немало. Что ж, мне каждому поддаваться, коли соскучилась?

...Ветер ударил в окно, стекло задребезжало, едва не выпрыгнув из рамы. Анна встала, зажгла свечу. Хотелось бежать, далеко, куда глаза глядят. Убежать от всего, что навалилось на нее. Но куда?!

– Ох, – вырвалось из груди.

Анна прикрыла рот, глянула на сына. Пухлые мальчишеские губки шевельнулись, будто причмокивая, но сын спал крепко. Анна потушила свечу и села к окну, прислонившись лбом к холодному стеклу. Ветер завывал, влетая в трубу, терзал край железной обшивки стока снаружи. От того скрежета кошки скребли на душе. Вдруг вдали мелькнул свет. Анна вскочила. Баркас! Он вошел в бухту! Но... его же разобьет о скалы! Тот остров...

Анна схватила шаль, обвязалась ею, зажгла масляный светильник и выбежала наружу.

Лодку бросало из стороны в сторону, как щепку. Сашко от страха притулился в углу рубки, шепча молитвы. Мишка стоял, широко расставив ноги, и крутил штурвал, по наитию определяя направление. Боцман в плаще, с надвинутым по самые глаза капюшоном, задраивал трюм, чтобы уберечь улов. Волны окатывали бывалого моряка, не иначе как решив смыть его

с баркаса и утащить в море на потеху. Но боцман держался крепко и ругался так же, от всей души посылая хозяина морей ко всем нечистым.

– Ничего, выстоим! – кричал Мишка, не сводя глаз с окна рубки то и дело заливаемого водой.

Боцман ввалился внутрь вместе с волной. Пристроился рядом, подперев дверь спиной.

– Ох, Мишка, не дело это лезть в бухту во время шторма! Разобьет, и следа от судна не останется!

– Не разобьет! Не дам! Лево руля! – капитан крутанул штурвал, баркас накренился, черпнул бортом, но тут же завалился на другой бок, взлетел на волне и понесся на гребне быстрее ветра.

– Держи, Мишка, держи! Щас как даст! – Тарасыч вжался в дверь, руками оперся о стены.

Сашко захныкал в углу. Лодка вознеслась на высоту волны. Мишка с восторгом смотрел вперед безумными глазами, и тут слабый огонек мелькнул вдали. Погас. Снова мелькнул. «Это с утеса!» Мишка прикинул расстояние, и волосы зашевелились под фуражкой.

– Остров! Несет на остров, зараза... Нет, не возьмешь! – орал он, выкручивая руль.

Волна упала, баркас провалился вслед за ней, но другая волна подбросила его с новой силой, вода схлынула с палубы, как с поплавка. Еще одна волна ударила сзади, лодка клюнула носом. Но судно легло в разворот. С левого борта раздался скрежет.

– Сзади зацепило! – кричал боцман.

Мишка насупился и дал полный ход. Лодка птицей отлетела от предательских камней и понеслась вперед.

– Стоп! Сашко, кидай якорь! Тарасыч...

А боцман, не дожидаясь команды, и сам полез в трюм проверить, какова течь. Сашко бросил якорь, баркас дернулся, как собака на привязи, и затих. Волны кидались на него со всех сторон, но посудина крепко держалась и только качалась, черпая воду...

Ромашки кивали желтыми головками, окруженными венчиком из белых лепестков. Пчелки жужжали над пахучими цветами. Солнце сияло в безоблачном небе, будто и не было никакой бури накануне. Словно черт поиграл с морем, а как только заря проснулась, убежал в преисподнюю, утащив с собой и ненастье.

Мишка поднимался к дому брадобрея, собирая по пути букет для Анны. Теперь он знал, что скажет ей: такие слова, от которых ее глаза наполнятся не слезами отчаяния, а счастьем. И одарит она Мишку взглядом, полным любви, и... Мишка подошел к распахнутой двери и прислушался. Внутри кто-то всхлипывал.

– Анна, – отчего-то волнуясь, чувствуя недоброе, тихо окликнул он, но в ответ не Анна, Алешка выбежал ему навстречу.

– Дядь Миша! – мальчик прижался к нему, всхлипывая чаще.

– Что случилось? – Мишка присел на корточки перед пацаном. – Где мама?

– Там, она... она...

Мишка влетел в хату и прищурившись оглядел маленькую комнатку. В рассеянном свете, пробиравшемся внутрь через окошко, он разглядел топчан в углу и на нем Анну. Она лежала с закрытыми глазами. Растрепанные косы оттеняли бледное лицо.

– Анна...

Мишка склонился над ней, трогая лоб.

– Ты вся горишь... Лешка, дуй к Марии, скажи, мамка заболела, жар у нее. Да быстро!

Лешка шмыгнул носом и перекаати-полем понесся в деревню, к дому боцмана. Мишка намочил полотенце, обтер лицо Анны. Ее веки подрагивали, ноздри приподнимались при вдохе, губы – малиновые, необычайно яркие – были сухими.

– Пить, – попросила Анна.

Мишка зачерпнул из ведра, приподнял голову Анны и поднес чашку к губам.

– Пей, тихонько...

Вода струйкой полилась в приоткрытый рот, стекла по губам, увлажнив их. Анна открыла глаза, но ее взор казался затуманенным, подернутым пологом беспамятства.

– Баркас! Там скалы! – закричала Анна, подняв руку.

– Чайка ты моя! – Мишка не выдержал, покрыл поцелуями ее лицо, сжал горячую ладонь. – Твое крыло защитило меня от беды... Аннушка, очнись, я люблю тебя, жизни мне нет без тебя...

Но Анна страдала в бредовом сне, стоя на утесе и держа светильник высоко над головой, всей душой надеясь на то, что Мишка увидит его свет. А безжалостный ветер бил ее в грудь, трепал косы, пробирал холодом до самого сердца...

Вечерняя зорька угасала. Море впитало ее свет и теперь розовело, как стыдливая барышня. Анна любовалась закатом, сидя на своем любимом месте – на краю скалы, отвесно уходящей в море. С такой высоты лодки, стоявшие на якорях в бухте, казались бумажными корабликами. Они легко покачивались на волнах, которые, доходя до утеса, плескались о его крепкий бок. В шум волн вплетались тревожные крики чаек.

– Почему они всегда так кричат, словно жалуются?

– Не знаю. Тебе виднее, чайка! – Мишка крепче прижал Анну к себе. Ветер толкнул в спину и улетел, но тут же вернулся и дунул прямо в лицо. Мишка поправил на Анне шаль. – Пойдем в дом, воздух холодный, тебе нельзя.

– Сейчас. Еще немного. Смотри, как тускнеют краски, и море сразу из ласкового котенка превращается в хищника.

Да, хищник! Мишке не забыть моря, которое охотилось на него в ту памятную ночь. Если бы не Анна... но... если бы не та буря...

Над головой с криком пролетела чайка. Махнула белым крылом и скрылась за утесом. Мишка и Анна проводили ее взглядом.

– Даже не думай, – шепнул Мишка, прикасаясь губами к нежному ушку, – ты от меня теперь никуда не улетишь.

Анна блаженно закрыла глаза и положила голову на надежное плечо.

## Белая роза

Алексей вышел на трап и с наслаждением вдохнул горячий воздух родного города.

«Здравствуй, Ташкент!» – ликовало сердце.

Словно в ответ, ветер закружил пыльную воронку и понес ее вдаль, не обращая внимания ни на самолеты, ни на взлетные полосы. Алексей улыбнулся.

«Здорово!»

Он не был здесь восемь лет, почти восемь. Когда он улетал в Германию, стояла поздняя осень. Моросил дождь, и пасмурное небо было похоже на его настроение: мрачное и тяжелое. Тогда казалось, что он уезжает навсегда. Впереди маячили неясные надежды на новую счастливую жизнь, а в прошлом он оставлял родину, юность и любимого человека.

Оля!

Он помнил о ней все время. Она была его музой, далекой и неосуществимой мечтой.

Сейчас он точно знал, что своей успешной жизнью обязан этой женщине, которая давным-давно отвергла его. Именно тогда он решил сделать все, чтобы доказать ей, как она ошиблась. Он создал замечательную семью – подрастали его мальчишки, рядом была любящая жена, – научился зарабатывать хорошие деньги, купил дом, и самое главное – он терпеливо и настойчиво целый год лечил лицо. Да, дефект кожи лица Алексей считал своим несчастьем! Возможно, именно неприятный вид его лица оттолкнул Олю. Тогда ее подружки за глаза называли его Квазимодо. Что ж, теперь вряд ли кому это пришло бы в голову!

Алексей не заметил, как вышел в город. Размышляя о жизни, он прошел и паспортный контроль, и таможню, и только навязчивые таксисты отвлекли его от дум.

– Брат, тебе куда, а, брат? – узбек с округлым «авторитетом», выпирающим под рубашкой, тербил его за рукав, успевая при этом отгонять от клиента других таксистов. – Идем сюда, давай, вон машина стоит, тебе куда, говоришь?

Алексей долго не раздумывал и, к великой радости водителя, решил поехать с ним.

В Ташкенте не осталось никого из родных, все перебрались к нему в Германию, и Алеша поехал к старинному другу. Они были неразлучны с детства, шли по жизни бок о бок до того времени, пока он не уехал, а потом переписывались, все восемь лет.

Дорога от аэропорта не заняла много времени. По пути Алексей смотрел в открытое окно легковушки, с интересом разглядывая знакомые улицы, и вспоминал, как познакомился с Олей.

Он увидел ее в горах, на соревнованиях скалолазов. Девчонки и ребята наперегонки лазали по почти отвесной скале, ловко цепляясь за выступы и поднимаясь по совершенно гладким стенам. Оля приехала с сестрой-близняшкой. Похожие друг на друга как две капли воды – тонкие, высокие, белокурые – они и разговаривали как-то особенно: певуче, медленно растягивая слова, и двигались так же: плавно, неторопливо. То, как девушки пытались преодолеть скальный маршрут за ограниченное время, вызывало улыбку.

Из двух сестер именно Оля запала ему в душу. В ее голубых глазах он увидел огромный таинственный мир. Тогда Алеша и решил стать скалолазом. Вместе с другом он пришел на тренировку в городе, и с тех пор был рядом с Олей, как тень. Она не возражала, но и не выказывала к нему никаких чувств. Они чаще молчали, чем разговаривали.

– Приехали, брат, – водитель притормозил у обочины дороги и прервал воспоминания Алексея.

Рассчитавшись с ним, Алеша пошел к девятиэтажке, стоявшей неподалеку. Знакомая дорожка была все такой же пыльной, и только зелень палисадников, или огородов, как их называли жители, оживляла окрестности спального квартала.

Друг встретил его душевно. И по какой-то негласной традиции, прочно вошедшей в быт с советских времен, они прошли на кухню, где и просидели до позднего вечера, вспоминая былые годы за рюмкой водки.

– Ты знаешь что-нибудь про Олю?

Алексей решил спросить прямо, в лоб. К чему предисловия? Ведь он приехал ради нее. Оформление бумаг – лишь предлог.

Друг пожал плечами.

– Ничего нового. Я ж писал тебе! Вскоре после того, как ты уехал, она бросила скалолазание и вместе с подругой ушла к спелеологам. Там обе вышли замуж. Я их всех вместе видел года три назад зимой в горах Чимгана, уже с детьми. У Оли кажется две дочки.

– Да-а?!

Последнего Алексей не знал. Надо же! У меня сыновья, у нее – дочки!

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.